

Голос минувшего

Поздним вечером 24 октября 1658 года в громадном, пыльном зале Кариатид в Старом дворце Лувра неожиданно и счастливо решилась участь Жана Батиста Мольера.

Славно, видно позабавил он в тот памятный вечер его величество короля Франции, если Людовик XIV, забыв о своей надменности хохотал до слез! Значит, действительно необычную шутку разыграл великий комик на сцене Луврского дворца перед королевским двором и цвеном королевской гвардии, если развеселившиеся зрители дошли до неистовства!

«Влюбленный доктор» — так называлась эта гениальная шутка. Одноактный фарс, сочиненный Мольером в дни странствий по провинции. Дебют начинающего драматурга в столице, начало его триумфа.

Постоянная сцена во дворце Пти-Бурбон, государственная пенсия в 1500 ливров ежегодно, покровительство герцога Орлеанского, единственного брата короля, — вот что уже на следующий день получила труппа Мольера. Неслыханные милости для бродячих актеров! Награда за «Влюбленного доктора», да будут благословенны тот день и тот час, когда он появился на свет!

Вот уже три с лишним столетия комедии Мольера не сходят со сцены. Но нет среди них «Влюбленного доктора». Автограф этого фарса, как, впрочем, и автографы большинства ранних мольеровских пьес исчез до того, как с рукописи сняли копию. Исчез загадочно и безвозвратно.

Предполагают, что Мольер сам сжег рукописи своих первых, еще несовершенных произведений. Уничтожил в тот момент, когда понял, что они не соответствуют основной цели его драматургии — исправлению человеческих пороков. Так утверждал, в частности, актер, казначей и секретарь мольеровской труппы Шарль Варле де Лагранж.

Но куда же делись рукописи всех последующих пьес Мольера? Где его письма?

Поразительно, но факт! Из всего, что написал Мольер в течение своей жизни, сохранились лишь два клочка бумаги, две денежные расписки, выданные кредиторами. Ни единой собственноручно написанной реплики, ни одной строки из письма не оставил потомкам великий Мольер. Как это могло случиться?

Другие были времена, и отношение к рукописям великих другое. Ростовщики, как видно, оказались более бережными хранителями автографов бессмертного драматурга, чем его родные и друзья. Чем тот же Шарль де Лагранж — редактор первого посмертного издания сочинений Мольера. Впрочем, потомки должны быть благодарны Лагранжу уже за то, что он сохранил для них свои записи, свою знаменитую тетрадь под названием «Реестр». В эту тетрадь он ежедневно,

начиная с весны 1659 года, когда вошел в состав мольеровской труппы, заносил сведения о всех событиях, происходивших в театре. Благодаря его педантизму хроника мольеровского театра была написана при жизни его создателя и руководителя. «Реестр» — единственный оставшийся «в живых» документ, проливающий какой-то свет на жизнь Мольера. Можно ли требовать от казначея больше?

Правда, почти два века спустя выяснилось было, что Лагранж не только автор «Реестра», но и хранитель бумаг вели-

иски привели его в конце концов в этот старинный дом, где он, к величайшему своему удивлению, обнаружил совершенно нетронутую библиотеку некогда принадлежавшую секретарю мольеровской труппы. Среди книг было и то издание сочинений Мольера, которое редактировал Шарль де Лагранж, причем некоторые тома хранили собственноручные заметки редактора. Но даже не это поразило и обрадовало Геро Лагранжа — страстного библиофила. Разбирая пожелтевшие от времени бумаги из архива своего знаменитого предка, он неожиданно на-

в своем сообщении Геро Лагранж попытался объяснить, почему «Влюбленный доктор» не попал в собрание сочинений Мольера издания 1682 года. По мнению руанского адвоката, Шарль де Лагранж не включил этот фарс, исполняя волю своего великого друга строгого к своим первым произведениям. Это звучало правдоподобно. И так чуть ли не двести лет пролежала мольеровская рукопись в руанском доме — в полном забвении, в небытии, и вдруг совершенно неожиданно нашлась, возродилась поистине из пепла. Нечего и говорить, что творилось в те дни с парижскими театрами, какие разговоры велись в светских салонах и гостиных, в редакциях журналов и за кулисами театров...

В один прекрасный день перед директором театра «Одеон» Леру предстал молодой человек, отрекомендовавшийся доверенным руанского адвоката. Геро Лагранж поручал молодому человеку вести переговоры о постановке мольеровской пьесы на сцене «Одеона» и выражал надежду, что эти переговоры приведут к обоюдному соглашению.

Директор театра «Одеон», дела которого за последнее время сильно пошатнулись, мог торжествовать. В его руки попала заветная рукопись. Уже через несколько дней, 12 февраля, состоялась читка пьесы в исполнении лучших актеров «Одеона». У всех, кто присутствовал на читке, не осталось и тени недоверия. Так писать мог только великий Мольер. Графологи, исследовавшие находку, также склонялись к мысли, что текст «Влюбленного доктора» написан рукой Мольера.

И вот 1 марта 1845 года весь театральный Париж устремился в театр «Одеон» на премьеру «Влюбленного доктора». В фойе театра на всеобщее обозрение была выставлена драгоценная рукопись Мольера. Успех спектакля был полным. На следующий день один из ведущих театральных критиков Ипполит Люка писал: «Авторство Мольера сомнений не вызывает... в «Докторе» мы находим пять-шесть ситуаций из других его комедий... Пьеса интересна, написана с большим юмором и несравненно выше, чем «Ревность Барбулье» и «Летающий доктор» (ранние фарсы Мольера, пощаженные временем и дошедшие до наших дней).

Билеты на этот спектакль «Одеона» были распроданы за много дней вперед. Каждый уважающий себя парижанин считал обязательным побывать на представлении мольеровской пьесы. «Влюбленный доктор» доставил немало удовольствия парижской публике.

Но больше всех, надо полагать, веселился в те дни молодой человек по имени Эрнест де Калонна.

...Все началось с письма от директора театра «Одеон». В самых любезных выражениях директор «Одеона» извещал начинающего драматурга, что присланная им пьеса «Виргиния» не может быть при-

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ МИСТИФИКАЦИИ

кого драматурга. Парижские театралы были искренне убеждены, что Лагранж сохранил для истории рукопись Мольера, его бесценного «Влюбленного доктора». Потом, впрочем, оказалось, что это была всего-навсего злая шутка... Но не будем опережать события...

В 1680 году Шарль де Лагранж приобрел небольшой дом в Руане, где прожил два года и где, как предполагают, он готовил издание сочинений Мольера, увидевшее свет в 1682 году. Через десять лет после выхода этого издания Лагранж скончался в Париже, а его дом в Руане перешел по наследству к родственникам.

И вот в январе 1845 года в этом доме оказался один из прямых потомков Шарля — Геро Лагранж. Адвокат по профессии, он искал бумаги для ведения какого-то семейного процесса. Длительные по-

ткнулся на рукопись, страницы которой были немилосердно исчерканы и перепачканы. «Влюбленный доктор», Фарс Мольера — гласило название. Легко себе представить, что испытывал адвокат в эту минуту. В его руках была рукопись пьесы, считавшейся безвозвратно утерянной!

Обо всем случившемся в доме Шарля де Лагранжа его потомок незамедлительно сообщил в редакцию одного из парижских театральных журналов, и его подробный рассказ о находке был напечатан в ближайшем номере, вызвав небывалую сенсацию. Сообщение Геро Лагранжа было перепечатано во многих изданиях европейских стран. В России оно появилось в журнале «Репертуар и пантеон» под заголовком «Новая комедия Мольера».

нята к постановке на сцене старейшего театра Франции. Трагедия из жизни римских патрициев не заинтересовала руководителей «Одеона». И Калонн вновь садится за работу. Через некоторое время появляется новая пьеса. Она называется «Под маской». Сцены из быта современной буржуазной Франции. Кажется, в эту пьесу автор вложил весь свой талант, все свое вдохновение. Калонн вновь адресует свою рукопись в дирекцию «Одеона». Ответом на сей раз служит презрительное молчание. Попытка безвестного драматурга проникнуть на сцену «Одеона», где идут драмы Гюго, Дюма, Мюссе, де Виньи, расценивается как непристойная настоячивость.

Но Калонн не успокоился. Когда-то его отец Пьер-Фабиус Калонн — преподаватель привилегированного колледжа Генриха IV — написал книгу, наделавшую немало шума среди парижских снобов. Книжка эта называлась «Иезуитство и университет». Уже сближение этих достаточно враждебных друг другу понятий говорило о характере книги и о манере мышления ее автора. Сын Пьера-Фабиуса Калонна был достоин своего отца. «Что ж, — должно быть, сказал себе Калонн-младший. — Я честно и открыто старался доказать, что обладаю талантом. Но как бы то ни было, моя пьеса будет поставлена в «Одеоне». Именно в этом театре! Любой ценой! Любыми средствами!»

Дальнейшие события показали, что новый жанр — комедия масок — удался двадцатитрехлетнему честолюбцу на славу. Его пьесу увидел весь Париж. Именно его пьесу, хотя на афишах и стояло имя Мольера.

Знаменитый мольеровский Скапен говорил: «Сказать вам по правде, если уж я возьмусь за дело, так для меня невозможного почти не бывает. Видно, это от бога у меня такой талант на всякие выдумки, на всякие тонкости и хитрости, которые неучи зовут плутнями».

Выдумке, тонкости и хитрости, с которыми Эрнест де Калонн «провернул это дело», Скапен мог только позавидовать.

В самом деле. Написать пьесу а-ля Мольер было еще полдела. Хотя такое творчество требовало, безусловно, таланта. Надо было еще придумать, как эту пьесу «случайно найти». Так, чтобы ни один историк театра, ни один биограф Мольера не заподозрил подвоха. Чтобы у этой искусно сфабрикованной рукописи (подделывать рукопись помогал Калонну палеограф, имя которого осталось неизвестным) было стопроцентное алиби. Что и говорить, одним талантом драматурга здесь трудно обойтись.

Сообщение руанского адвоката на первых порах было очень многими встречено скептически. Но недоверие это рассеивалось по мере того, как Калонн представлял все более и более убедительные доказательства. Самым веским был, ко-

нечно, явно мольеровский тон пьесы. Кроме того, мнимая находка в Руане была настоящим чудом. А кто же откажется хотя бы на минуту поверить в чудесное?

На весь Париж нашелся только один упорный скептик. По его инициативе вокруг руанской находки развернулась дискуссия ученых и литераторов. Большинство из них дало неопределенный ответ на вопрос о подлинности рукописи. В «Одеон» ежевечерне ломились зрители, «Влюбленный доктор» шел с аншлагами, а писатель Теофиль Готье все твердил, что французов одурачил ловкий проходичей Калонн, мнимый поверенный мнимого Геро Лагранжа.

Неизвестно, чем бы кончилась вся эта история с «Влюбленным доктором». Быть может, под именем мольеровской пьесы она дожила бы до более совершенных способов исследования старых рукописей, и только тогда удалось бы доказать, что это — искусная подделка. Во всяком случае директор Леру не собирался снимать «Влюбленного доктора» и в следующем театральном сезоне. Бедный директор «Одеона»! Почему он не ответил когда-то автору пьесы «Под маской»?! Напиши он хоть пару слов, быть может, и не было бы этого исторического скандала, заставившего его подать в отставку.

А скандал разразился неожиданно, в самый разгар триумфа «Влюбленного доктора». То, о чем не уставая говорил и писал Теофиль Готье, подтвердилось. «Влюбленный доктор» оказался подделкой Калонна. И подтвердил это... сам Эрнест де Калонн.

Как видно, он считал нужным объявить об этом публично, ибо без такой заключительной стадии затеянной игры имя его могло оказаться в тени. Теперь же были поставлены все точки, и современный историк театра мог спокойно занести фамилию Калонн в рубрику скандальных происшествий.

Самое пикантное заключалось в том, что на сей раз Калонну не поверили. Не поверили, потому что он разрушал уже признанное чудо. Журналисты бросились в Руан на поиски Геро Лагранжа. И не нашли его. Тщетны были попытки найти и старый дом, в котором жил некогда Шарль де Лагранж.

Так закончилась история с подделкой мольеровской пьесы. Эрнест де Калонн кончил свою жизнь в Алжире, где много лет был преподавателем риторики. Он продолжал писать, его пьесы шли даже в Париже. Последняя его комедия называлась «Любовь и деньги». Она пользовалась успехом у зрителей. Но никакому успеху не мог сравниться с тем, что некогда выпал на долю «Влюбленного доктора». И, надо думать, Эрнест де Калонн часто вспоминал о своем реванше.

Юрий ИВАНОВ.

Коллаж В. Краснова.